

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

УДК 811.111.1 37

Горбунова Е.В.

Московский государственный областной университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ СЕМАНТИКИ И ГРАММАТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В центре внимания автора статьи – вопросы взаимосвязи семантики и грамматики. Рассматривается семантика как наука в философии, антропологии и психолингвистике. Интерпретированы сложные синтаксические структуры с точки зрения грамматики и семантики. Исследуются случаи совпадения семантических и грамматических явлений. Анализируется проблема двусмысленности предложений. Приводятся два аргумента за исключение значения из грамматики. Автор делает вывод о том, что самые важные семантические категории представлены во многих грамматических системах.

Ключевые слова: семантика, грамматика, понятие значения, категория, двусмысленность, дистрибуция, интерпретация.

E. Gorbunova

Moscow State Regional University

THE CORRELATION OF SEMANTICS AND GRAMMAR (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

Abstract. The problems of correlation of semantics and grammar are considered in the article. The semantics as a science is closely interlinked with philosophy, anthropology and psycholinguistics. Complex syntactic structures are interpreted from the point of view of grammar and semantics. The cases of semantic and grammatical overlapping are investigated. The problem of ambiguity of sentences is analysed. Two arguments for excluding meaning from grammar are given. The author comes to the conclusion that the most important semantic categories are represented in many grammatical systems.

Key words: semantics, grammar, concept, meaning, category, ambiguity, distribution, interpretation.

Семантикой как наукой занимаются представители различных профес-

сий: философы, антропологи, психологи. Однако их подход, а также их цели и задачи отличаются от тех, которые ставит перед собой лингвист [4].

© Горбунова Е.В., 2014.

Философ интересуется анализом понятий знания и веры и их отношением к опыту и друг к другу. Непосредственно этим занимается такая отрасль философии, которую мы называем эпистемологией. Философ Б. Рассел (B. Russel) характеризует эпистемологию следующим образом: эпистемология должна привести наши верования, в которых мы убеждены или которые кажутся нам более или менее вероятными, в определённый порядок [5]. Некоторые философы считают, что многие, если не все, философские проблемы могут быть решены путём изучения обычного языка. Доказывается, например, что проблемы, связанные с природой добра и зла, правды и неправды, в нравственной философии могут быть решены путём того, как такие слова, как «добро», используются. Проблема добра рассматривается как проблема использования понятия добра [1].

Одной из традиционных областей философии, которая интересуется лингвистикой, является логика. Утверждения логиков могут представлять собой как простые силлогизмы – *All men are mortal. Socrates is a man. Therefore Socrates is mortal*, так и сложные синтаксические структуры. Но здесь надо обратить внимание на следующее: логика оперирует понятиями, которые можно найти в обычном языке, например *and* и *or*; и, что касается их действительности, она полностью полагается на то, что мы считаем логически правильным. Тем не менее, логические системы – это чёткие и последовательные модели идеализированного вида, похожие на математические, на которые мы не можем непосредственно опираться и которые не могут быть

использованы в естественном языке. Следовательно, лингвист должен быть очень внимателен к логической основе естественного языка. Логические системы намного лаконичнее и более последовательные, чем то, что мы находим в языке. Они не образуют основу языка, а являются высоко идеализированной формой нескольких его характерных особенностей.

Антропологи рассматривают язык как неотъемлемую часть культурных и поведенческих моделей людей, которых они изучают. Антропология пытается выяснить, какие эпистемологические различия важны в определённой культуре. Сравнительно недавно возникла новая научная дисциплина – антропологическая лингвистика, которая рассматривает эволюцию познания с точки зрения её отражения языком. Одной из специфических областей антропологического исследования, которой интересуются учёные, занимающиеся вопросами семантики, является область родства, так как различные замысловатые родственные отношения многих национальностей отражаются в таких же замысловатых семантических моделях родственной терминологии.

Отношения между психологией и лингвистикой стали такими существенными, что они дали толчок к появлению новой науки – психолингвистики. Психолингвистический подход к языку заключается в попытке понять, как мы пользуемся языком при восприятии и передаче желаемой информации.

Ещё мало исследованы некоторые аспекты использования языка, особенно в отношении значения. Но роль значения очень велика, даже в грамма-

тических вопросах. Например, существуют проблемы, связанные с пониманием предложений, в которых есть «самовложение»; ср.: *The girl the man the woman loved saw left the room*, где *the woman loved* вставлено в *the man saw* и *the man the woman loved saw* вставлено в *The girl the left the room*. Если мы возьмём другой пример – *The question the boy the dog bit answered was difficult*, то его будет легче интерпретировать, но не с точки зрения грамматики, так как грамматические структуры такие же, а с точки зрения очевидных семантических связей *boy answering question, dog biting boy, question being difficult*. Данные примеры свидетельствуют о том, что, когда грамматика кажется вполне понятной, мы полагаемся больше на значение, чтобы правильно интерпретировать предложение. Таким образом, мы видим, что семантика и грамматика неразрывно связаны между собой, но рассматриваются как различные уровни лингвистики. Тем не менее, ясно, что грамматические категории часто имеют значение, что предложение имеет значение и что предложение – это грамматическая единица.

Большинство грамматистов признают, что грамматические категории являются в своей основе семантическими. Существительные определялись как названия предметов, род был связан с полом, а множественное число означало больше, чем один. С другой стороны, многие лингвисты спорили по поводу того, что грамматика должна отличаться от семантики и что грамматические категории должны всецело определяться с точки зрения формы языка, его видимых особенностей. В то время как роль семантики является объяснение

таких понятий, как, например, значение и синонимия, основной целью грамматики является объяснение формальных дистрибуционных моделей языка: деление языковых единиц на классы и подклассы на основе их распределения и установления дистрибуционных свойств классов, согласно их структуре. Области семантики и грамматики частично совпадают в двух случаях. Во-первых, встаёт вопрос о корректности: такое выражение, как *foolish sage* может быть отклонено как неправильное либо на основе того, что оно неправильно с грамматической точки зрения, либо с семантической точки зрения. В данном случае, скорее всего, это можно объяснить семантическими средствами. Если мы показываем неадекватность этой фразы с точки зрения антонимии, то есть *мудрый* не может быть *глупым*, мы относим к общему правилу то, что мы исключаем не только этот пример, но также много других абсурдных фраз: *a wise fool, a wise idiot, a foolish wise man, this wise man is a fool, this sage is foolish*, etc. [2].

Но в грамматике мы можем сделать гораздо больше, чем определить классы прилагательных и существительных, включающих слова *foolish* и *sage* соответственно (вместе с любыми синонимичными прилагательными и существительными), и затем установить правило, которое исключает их совместимость.

Вопрос о двусмысленности затрагивает ещё одну область совпадения целей семантики и грамматики. Если двусмысленность определяется как обладание более чем одним значением, тогда понятие двусмысленности – это чисто семантическое понятие. В то же время многие двусмысленные выраже-

ния рассматриваются с точки зрения грамматики, разные значения устанавливаются путём определения разных грамматических описаний.

Например, предложение *I don't like worrying neighbours* может иметь несколько вариантов значений: а) *I don't like causing worry to neighbours*, б) *I don't like neighbours who cause worry*, в) *I don't like neighbours who worry about things*. Два первых варианта интерпретаций а) и б) различаются в грамматике таким образом, что в первом случае *worrying neighbours* можно заменить на *worrying the neighbours*, *worrying new neighbours* и так далее, и, следовательно, дистрибуционно это такая же конструкция, как *buying furniture*; во втором случае *worrying neighbours* можно заменить на *a worrying neighbour*, *the worrying neighbour* и так далее, и дистрибуционно эта конструкция совместима с *giggling schoolgirls*. Таким образом, двусмысленность соотносится с правилами, которые требуются для определения дистрибуций.

Кроме того, существуют два хороших аргумента за исключение значений из грамматики. Первый заключается в том, что значение часто бывает неопределённым, и трудно описать категории значений. Более того, из-за этой неясности семантические категории фактически определяются только в плане формальных особенностей языка. Если затем грамматическим категориям даются семантические определения, эти определения становятся бессмысленными или сомнительными. Отличный пример – это часто встречающееся в грамматике определение существительного как слова, используемого для обозначения чего-либо. Трудность заключается в том, что мы не знаем, как

определить, чем это что-либо может быть. Для того чтобы определение было правильным, мы должны установить, независимо от языка, что это за предметы, которые могут быть названы. Известно, что в английском языке данные понятия могут быть представлены словами *fire*, *place*, *speed*, *intelligence*, а также *tables*, *chairs*.

Они включают в себя также слова *redness* и *blackness*, но не *red* и *black*. Возникает вопрос, как мы можем проверить, что перечисленные английские названия являются предметами, или понятиями, и откуда мы можем знать, что *redness* и *blackness* – названия понятий, а *red* и *black* – что-то другое. Похожий пример выступает в отношении слова *rain*. Почему *rain* относится к названию понятия, а *it's raining* – не относится? Существуют языки, в которых слова, которые определяются как существительные – в английском языке, например, *river*, *spring*, – являются в них глаголами: буквальный перевод будет *it's rivering*, но не *there's a river*. Как мы тогда определим, что такое *things*? Ответ очень простой. *Things* – это то, что обозначается существительными. Определение существительного как *naming anything* звучит бессмысленно.

Второй аргумент за исключение значения из грамматики состоит в том, что даже когда мы можем определить семантические и грамматические категории независимо друг от друга, они часто не совпадают. Один из наилучших примеров – это слова *wheat* и *oats*, где мы видим отсутствие совпадения между грамматическим числом, единственным и множественным, с численным количеством. То, что это единственное и множественное число соответственно, отмечено

не только окончанием -s (*oats*), но в большей степени согласованием с глаголом: *The wheat is in the farm. The oats are in the farm.* С точки зрения «одного» или «больше чем одного» *wheat* – это единая масса, в то время как *oats* состоит из собирания отдельных зёрен. Существует много других примеров. *Hair* в английском языке – единственного числа, во французском *cheveux* и итальянском *capelli* / *волосы* – множественного числа, несмотря на то, что нет никакой разницы в том, как представители разных национальностей рассматривают понятие «волосы».

В английском языке временные формы часто не соотносятся с периодом времени, так как формы прошедшего времени могут использоваться для обозначения будущего времени: *if I came tomorrow...* – вполне ясно из этих примеров, что основные грамматические категории языка должны быть определены независимо от их значения. Неудивительно, что разные языки имеют разные грамматические системы.

Однако, когда мы определили формальные категории, мы можем приступить обсуждать их значение. Существует некая соотнесённость между, например, родом и полом, временными формами и периодом времени, грамматическим числом и перечислением, хотя соотнесённость никогда не будет точной. Так, во французском языке существительные, относящиеся к лицам женского пола, всегда женского рода, даже когда существительные женского рода могут относиться к лицам мужского пола, а в английском языке одна из функций категории времени – это соотнесённость с периодом времени. Как мы видим, существуют понятия «gender» и «tense», но эти на-

звания не являются семантическими определениями.

Между тем будет ошибкой провести очень чёткую линию между семантикой и грамматикой. Когда мы больше начинаем исследовать грамматику, мы понимаем, что всё больше стирается грань между грамматикой и семантикой, вплоть до того, что становится трудно, а иногда и невозможно, установить, какие это категории – грамматические или семантические.

Если рассмотреть предложение *Mike is seeming glad*, то мы можем сказать, что это грамматически неверно, так как глагол *seem* не употребляется в продолженной форме *is seeming*. Но трудно сказать, либо это грамматическое правило, либо это тот случай, когда по семантическим причинам *Mike* не может быть в продолженном состоянии *seeming*. Здесь нет чёткого ответа, грань между грамматикой и семантикой не ясна. Сравним два предложения: *Mike is having gone to the park* и *Mike continued having gone to the park*. Нет сомнения в том, что первое предложение исключается грамматически, так как есть простое правило, согласно которому мы можем поставить вспомогательный глагол *have* перед вспомогательным глаголом *be*, тогда правильным будет предложение *Mike has been going to the park*. Но во втором предложении не ясно, почему оно неправильное – либо потому, что есть грамматическое правило, которое препятствует употреблению *continue* перед формой вспомогательного глагола *have*, либо это не имеет смысла с семантической точки зрения.

Следовательно, можно сказать, что существуют два сомнительных аспекта соотнесённости грамматики и значе-

ния. Во-первых, несмотря на то, что мы можем и должны установить формальные категории, они будут иметь некоторую соотнесённость с семантикой, но не полностью. Во-вторых, трудно провести границу между ними. Есть ещё и третий момент, который заключается в том, что некоторые из основных категорий встречаются во всех языках. Насколько мы знаем, нет языка, в котором нет различий между существительными и глаголами, хотя в некоторых языках отсутствуют какие-то части речи. Сходство языков является причиной единого взгляда. Понятно, что некоторые из наиболее важных семантических категорий, относящихся, например, к полу, количеству, времени, представлены во многих грамматических системах [3].

Таким образом, мы видим, что семантика не является чётко опре-

делённым уровнем лингвистики по сравнению с грамматикой. Это скорее ряд исследований по использованию языка по отношению ко многим лингвистическим и нелингвистическим аспектам, контексту, участникам дискурса, к их знанию и опыту.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Aijmer K. Evidence and the declarative sentence. – L., 1980. – 150 p.
2. Hurford J.K. Semantics: a course book. – Cambridge, 2007. – 350 p.
3. Lyons J. Linguistic semantics: an introduction. – Cambridge, 1995. – 376 p.
4. Palmer F.R. Semantics. – Cambridge, 1981. – 164 p.
5. Рассел Бертран. Исследование значения и истины // Log-in.ru [Электронный ресурс]. – URL: <http://log-in.ru/books/issledovanie-znacheniya-i-istiny-rassel-bertran-filosofiya/> (дата обращения: 05.09.2014).